

Центры регулирования внешнеэкономических отношений в период деглобализации

Белитченко Павел Денисович

аспирант

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: pavelbworkmail@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

внешнеэкономические интервенции, международные экономические отношения, государственное вмешательство, мировая экономика, фрагментация, многополярность

АННОТАЦИЯ.

Современная глобальная экономика характеризуется усложнением сетевых связей между ее субъектами под влиянием многочисленных экзогенных факторов. Одним из них является устойчивый рост числа зафиксированных случаев вмешательства национальных правительств в международные рыночные отношения, которые ведут к снижению регуляторной роли многосторонних институтов и фрагментации мировой экономики. Целью данного исследования является определение перечня стран, ставших в этих условиях новыми центрами регулирования внешнеэкономических отношений. Для формирования исходного массива данных были взяты материалы Global Trade Alert за 2017–2024 гг., содержащие хронологически упорядоченную информацию о внешнеэкономических интервенциях национальных правительств по всему миру за этот период. На их основе были сформированы четыре выборки, где для каждой страны было указано число введенных и перенесенных ей интервенций дискриминирующего и либерализующего характера. С помощью анализа их распределения, визуализации и хронологического сопоставления с факторами, повлиявшими на рост геэкономической влияния государств в течение последних 15 лет, в ходе исследования были выделены выборки стран, являющихся главными инициаторами и целями дискриминирующих и либерализующих мер внешнеэкономического регулирования. На их основе был сформирован конечный список из 53 национальных правительств, чьи действия наиболее существенно воздействуют на современное состояние международных экономических отношений. Полученные результаты могут быть использованы для выстраивания приоритетов международного сотрудничества в формирующемся многополярном мире, оценки рисков введения новых односторонних внешних ограничений, а также исследования влияния сетевых эффектов на развитие мировой экономики.

JEL codes: JEL F13, F50

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-1-84-99>

Для цитирования: Белитченко, П.Д. Центры регулирования внешнеэкономических отношений в период деглобализации / П.Д. Белитченко. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №1. - С.84-99. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2025)

Введение

Фрагментация международных экономических отношений является одной из наиболее актуальных тем обсуждений в публичном и научном дискурсах. Исследованию этой проблемы посвящены статьи российских [3, с. 76] [2, 4] и иностранных ученых [8, 13, 22], а также аналитические материалы международных организаций [11, 12, 17, 23, 24].

Одно из наиболее емких и полных описаний тенденций фрагментации в мировой экономике приводится в работе П. Голдберга и Т. Рида из Национального бюро экономических исследований США (NBER) [15]. Опираясь на данные о мировой торговле, потоках капитала и миграции, они находят свидетельства замедления процесса глобализации после Глобального финансового кризиса 2008 года (ГФК). Значимую часть статьи американские исследователи посвящают систематизации

происходящих с тех пор изменений с точки зрения тенденций, характеризующих особенности проведения внешнеэкономической политики рядом национальных правительств.

Одним из последствий растущей взаимозависимости стран в эпоху активной глобализации стала в том числе и невозможность одностороннего развития критически важных отраслей экономики в отрыве от международного рынка. Помимо увеличения рисков для национальной безопасности государств перед лицом глобальных потрясений, каким, например, стала пандемия Covid-19, это приводило и к росту их внутренней социальной напряженности из-за закрытия неконкурентных производств в угоду импорту более дешевой иностранной продукции, чья разработка и изготовление зачастую сопровождалась активным финансовым стимулированием со стороны зарубежных правительств. Хронология деглобализации, построенная на основе результатов их исследования, приведена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Хронология деглобализации

Источник: составлено автором по источнику [15]

Переломной точкой на этом отрезке является 2016 год. К моменту его наступления мировая экономика полностью восстановилась после последствий ГФК. В то же время начали проявлять себя проблемы, которые значительно изменяют среду внешнеэкономических отношений в течении следующих семи лет. Главной из них стало торговое и технологическое противостояние США и Китая, в рамках которого вмешательство правительств в рыночные процессы проявилось в наибольшей степени. Правильность выбора 2016 года в качестве момента перехода к более фрагментированному миру подтверждается в работе научного сотрудника Института развития интеграционных процессов ВАВТ Е. С. Гущина [1]. По мнению ученого, к 2016 году исходящие прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Пекина достигли исторического максимума, приблизившись к 200 млрд долл. США, что составило свыше 12% от объема всего мирового рынка ПИИ. Однако после начала первого срока президентства Д. Трампа, объемы исходящих ПИИ Китая начали быстро снижаться, опустившись в 2019 году ниже 120 млрд долл. США или 9% от объема мирового рынка.

Последовавшие затем длительные ограничения в Китае в период пандемии COVID-19 дали дополнительный стимул компаниям к расположению новых производственных мощностей в дружественных для домашней юрисдикции странах (френдшоринг) или на своей родине (решоринг). Особенно остро пандемия сказалась на производстве чипов, слабо диверсифицированном в географическом разрезе. В частности, из-за введения локдаунов и закрытия китайских и американских портов запасы чипов в США в 2021 году составляли одну восьмую часть от средних

уровней допандемийного 2019 года [2, с. 26–27].

Другая группа изменений связана с новым расцветом промышленной политики, являющимся следствием роста международной конкуренции и желанием правительств обеспечить самодостаточность и устойчивость в первую очередь национального хозяйства, и только потом мирового. На примере индустрии чипов, где США вынудили производителей из множества стран «либо придерживаться мер экспортного лицензирования, либо прекратить использовать американские технологии и оборудование», исследователи NBER показывают, что «деглобализация происходит не по вине рынка; скорее, это результат действий и политики правительств, не имевшие особой поддержки со стороны частного сектора, по крайней мере, на начальном этапе их проведения» [15, с. 34-35].

С США связан и другая важная причина охлаждения международного товарооборота в глобальном масштабе — блокируемая ими смена коллегии судей Апелляционного органа ВТО. В 2019 году у его арбитров истекли сроки полномочий. Для их переназначения, по правилам ВТО, требуется консенсус всех ее членов, чего за все это время добиться так и не удалось, т.к. США, заблокировали назначение новых судей, прекратив тем самым существовавшую практику многостороннего подхода к решению конфликтов, связанных с международной торговлей.

По словам главы Минэкономразвития России М. Г. Решетникова, за все это время, в течение которого не работает Апелляционный орган ВТО, «расширилась практика использования различных односторонних мер, будь то под эгидой национальной безопасности, будь то под эгидой зеленой повестки, энергетической повестки и так далее»¹.

Однако ограничительные меры лежали и в основе «самых ярких примеров экспортоориентированной индустриализации в период до 1990-х годов — в Японии, Южной Корее и на Тайване. В то время торговые ограничения в странах с развитой экономикой были более жесткими, а либерализация торговли ограничивалась разделительными стенами», пишет лауреат премии Леонтьева Д. Родрик [22, с. 9].

Он добавляет, что практики современной индустриализации зачастую не соответствуют принципам глобализации. Китай, например, долгое время защищал свои государственные предприятия от конкуренции с иностранными игроками, а правительство использовало субсидии, принуждения к передаче технологий, валютные манипуляции и слабую практику защиты авторских прав для опережающего развития отечественных индустрий. В частности, благодаря обеспеченному этими мерами технологическому прогрессу, Китай стал лидером в электромобильной промышленности [20], отняв у европейских автопроизводителей значительную долю их домашнего рынка. Для предотвращения дальнейшего развития этой тенденции ЕС по итогам специального расследования был вынужден поднять импортный тариф с 10% до 45.3% [10].

Двумя другими яркими примерами новой промышленной политики являются упомянутый ранее исследователями NBER американский «Закон о создании полезных стимулов для производства полупроводников» (The Chips and Science Act) с объемом финансирования на научные разработки в размере 280 млрд долл. США, а также «Закон о снижении инфляции» (Inflation Reduction Act), в рамках которого запланировано перераспределение 1,8 трлн долл. США в течение десятилетия для решения проблем внутренней энергетической безопасности и финансирования проектов устойчивого развития. Их результатами должны стать наращивание компетенций в области разработки и внедрения передовых технологий, повышение устойчивости транспортной и энергетической инфраструктуры, усиление кибербезопасности страны, а также снижение рисков в цепочках поставок.

Инициативы открыли новые возможности для компаний со всего мира, стимулируя их переток в американскую юрисдикцию, ввиду чего принятие обоих законопроектов было критически воспринято геополитическими партнерами Америки. Как отмечают исследователи Центра Стимсона

¹ Аверьянова В. Члены ВТО не договорились о реформе арбитража // Известия. 02.03.2024. URL: <https://iz.ru/1658705/valentina-averianova/sudi-kto-chleny-vto-ne-dogovorilis-o-reforme-arbitrazha> (дата обращения 27.12.2024)

Э. Эшфорд и Э. Купер, IRA «привел к нескольким месяцам тяжелых переговоров между США и ЕС», ввиду обеспокоенности Европы ростом исключительного влияния США в сегменте зеленых технологий и устойчивого развития [8].

В ответ же на «Закон о создании полезных стимулов для производства полупроводников» развитые страны разработали ответные пакеты стимулов: Южная Корея – на 450 млрд долл., ЕС – на 43 млрд евро и Япония – на 6,8 млрд долл. [21, с. 4–5, 10]. С одной стороны, привлекая инновационные предприятия в свою юрисдикцию, правительства развитых стран помимо прочего получают в условиях многополярности возможность в дальнейшем использовать экспортные ограничения для затруднения развития своих конкурентов. Это создает угрозу для экономической безопасности развивающихся стран, добавляя к их долгосрочным стратегиям необходимость укрепления цепочек поставок и развития передовых производств на своей территории, сталкивающихся с вызовами в виде низкой конкурентоспособности продукции в сравнении с иностранными аналогами, малым размером рынка и ограниченными инвестиционными ресурсами.

В целом же, начиная с 2008 года, количество вновь вводимых ограничений ежегодно растёт и еще в 2021 году оно уже достигло 36 132, как об этом пишет Е. П. Торкановский из Института экономики РАН [7, с. 326]. Среди стран, наиболее подверженных внешнеэкономическим ограничениям, он выделяет Германию с 13 111 ограничениями, Италию с 12 377 и Францию с 12 353. США занимают пятое место в этом списке с 11 343 ограничениями, а Китай — девятое с 10 936.

Среди инициаторов торговых ограничений первое место Торкановский ставит США с 7 598 дискриминационными мерами. На втором месте находится Китай с 5 923 мерами, а на третьем — Германия с 2 782. Россия занимает десятое место с 1 127 инициированными ограничениями, направленными на защиту внутреннего рынка и национальных экспортеров.

Торкановский обращает внимание на ещё одно заметное проявление торговой деглобализации — сокращение задействованных в цепочках создания стоимости производственных этапов в различных странах. В современной мировой экономике преобладают глобальные цепочки создания стоимости, которые строятся на разделении производственного процесса на отдельные этапы. Каждый из этих этапов осуществляется в той стране, где производство данного продукта является наиболее экономически выгодным [7, с. 328 – 329].

Для оценки степени интеграции стран в международное производство используется показатель добавленной стоимости иностранного происхождения (FVA). Он представляет собой стоимость импортируемого сырья, которое перерабатывается в стране и затем экспортируется. После периода стабильного роста, который начался в 1990-х годах, глобальный показатель FVA начал снижаться с наступлением Глобального финансового кризиса. За десять лет, с 2008 по 2018 год, он уменьшился на 4 процентных пункта.

Это сокращение международных производственных цепочек обусловлено глобальным выравниванием условий ведения бизнеса. В частности, стремительное развитие экономики Китая привело к росту заработной платы в стране, что, в свою очередь, сократило разницу в стоимости рабочей силы по сравнению с другими государствами.

Все эти прецеденты свидетельствуют о росте государственного влияния на глобальные экономические процессы, в результате чего уязвимые страны вынуждены нести дополнительные издержки. Этот эффект усугубляется тем, что существующая многосторонняя система управления глобальными процессами не адаптирована к стремительно меняющимся условиям современной мировой экономики, а проблемы в управленческой структуре международных организаций приводят к игнорированию запросов развивающихся стран [6, с. 28, 109]. Дальнейший путь во многом будет зависеть от того, решат ли национальные правительства сохранить выгоды от интегрированной глобальной экономики, или же вместо этого предпримут более жесткие меры для выполнения своих геополитических задач. Все это делает актуальной решаемую в данном исследовании научную задачу определения ключевых центров регулирования внешнеэкономических отношений на страновом

уровне в период деглобализации.

Данные и методы

Пределы экономического соперничества государств в условиях многополярности, приводящие к фрагментации мировой экономики, демонстрируется в упомянутой ранее работе Э. Эшфорд и Э. Купер из Центра Стимсона, сравнивающих сегодняшнее время с периодом Холодной войны. Несмотря на то, что нынешняя стратегия США сосредоточена главным образом на подавлении Китая подобно тому, как это было в период Холодной войны с СССР, этот фрейминг не учитывает принципиальных отличий структуры современных мирохозяйственных связей от той, что наблюдалась во второй половине XX века. Они отмечают, что биполярный мир после окончания Второй мировой войны смог образоваться благодаря тому, что, во-первых, оказалась разрушенной довоенная модель международного взаимодействия; а во-вторых, процесс и итог боевых действий привели к формированию двух полюсов вокруг стран с совершенно противопоставленными в вопросе экономики идеологиями [8].

Текущая модель международного взаимодействия, напротив, имеет продолжительную историю своего использования, а модель экономического устройства — капиталистическое единообразие, основанное на принципе разделения труда и транснациональном масштабе ведения бизнеса. Согласно коллективной монографии ученых Финансового университета при Правительстве РФ «в настоящее время 80% мировой торговли реализуется на основе развития глобальных цепочек стоимости, контролируемых и координируемых влиятельными крупными фирмами, занимающими доминирующее положение на промежуточных или конечных потребительских рынках» [5, с. 13].

Влияние же правительств на состояние экономик их стран «проявляется преимущественно в обеспечении правового поля на национальном уровне и содействии развитию предпринимательской деятельности, а также в виде формирования соответствующих межгосударственных договоренностей и регулирования как на международном, так и национальном уровнях» [5, с. 13]. В исследовании МВФ, сравнивающим признаки сегодняшней торговой и финансовой фрагментации с эпохой Холодной войны, утверждается, что сегодня по мере роста числа барьеров в международной торговле и инвестициях, происходит удлинение логистических путей за счет включения в них «связующих стран», чего не наблюдалось в биполярной системе [16, с. 4, 12–14]. Этими коннекторами могут быть Турция и страны ЕАЭС в случае антиросийских санкций, а также Мексика и Канада в кейсе торгово-технологического противостояния США и Китая. Открывшаяся для них ниша связующих звеньев хотя и приводит к росту затрат конечного потребителя, но, во-первых, позволяет не допустить резкого обрыва товарных потоков, а во-вторых, приводит к росту влиятельности их политиков и росту доходов их предпринимателей. Их деятельность, таким образом, можно охарактеризовать как геоэкономический арбитраж, если учитывать, что сами торговые и финансовые барьеры преподносятся политиками как необходимая жертва для снижения логистических рисков, укрепления отечественных индустрий и обеспечения национальной безопасности.

Созависимость стран в современной мирохозяйственной системе становится заметной еще больше при анализе концентрации экономических и военных ресурсов Западного и Восточного блоков во времена Холодной войны и в настоящее время. Как показывается в статье директора Европейского совета по международным делам М. Леонарда, централизация мировой экономики вокруг стран НАТО, Австралии и Японии, с одной стороны, и вокруг сохранившихся на данный момент стран Восточного блока, с другой, сегодня на треть ниже, чем раньше. В 1960-е годы на эти альянсы в совокупности приходились колоссальные 88% мирового ВВП, но сегодня на долю этих же стран приходится лишь 57% мирового ВВП [19]. Он также замечает, что «если в 1960-е годы расходы на оборону у неприсоединившихся стран были незначительными (около 1% от общемирового объема), то сейчас они составляют 15% и быстро растут».

Эти свидетельства более равномерного распределения экономических и военных ресурсов и являются доказательством многополярного устройства современного мира. Исследователи

Центра Стимсона замечают, что «пытаясь организовать группу из как можно большего числа стран, противостоящих Китаю, администрация Байдена рискует создать слабое партнерство, построенное на интересах наименьшего общего знаменателя²» [9]. Усилия США в поддержании санкционного режима или в ограничении мирового экспорта инновационных технологий порождают феномен безбилетника. Индия может являться частью стратегии QUAD по обеспечению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, но она в то же время продолжает импортировать российские энергоресурсы и военную технику. Германия, наоборот, может смириться с разрывом экономических отношений с Москвой, но остается важным торговым партнером Пекина.

Таким образом, стремление каждого национального правительства сохранить и нарастить конкурентные преимущества своих экономических субъектов неизбежно ведет к посягательству на чужие рынки и производственные ниши, сопровождаемые ростом регуляторных и контрагентских рисков для компаний с развитым международным бизнесом. Однако те страны, которые в условиях роста числа международных торговых и финансовых ограничений способны вести многовекторную политику, играя роль связующих звеньев между конкурирующими сторонами, могут извлечь значительные политические и экономические дивиденды, выражающиеся в первую очередь в росте их влияния в мировой экономике.

Для идентификации центров регулирования внешнеэкономических отношений на национальном уровне в настоящей работе используются данные Global Trade Alert (GTA) — независимой организации, отслеживающей изменения во внешнеэкономической политике стран всего мира [14]. Спектр интервенций, зафиксированных в базах данных GTA, включает меры национальных регуляторов в области международной торговли товарами и услугами, иностранных инвестиций и миграции рабочей силы. Все записи в базе данных основаны на официальных заявлениях соответствующих учреждений и проходят двухэтапную проверку своей подлинности. При этом GTA не отслеживает изменения технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер.

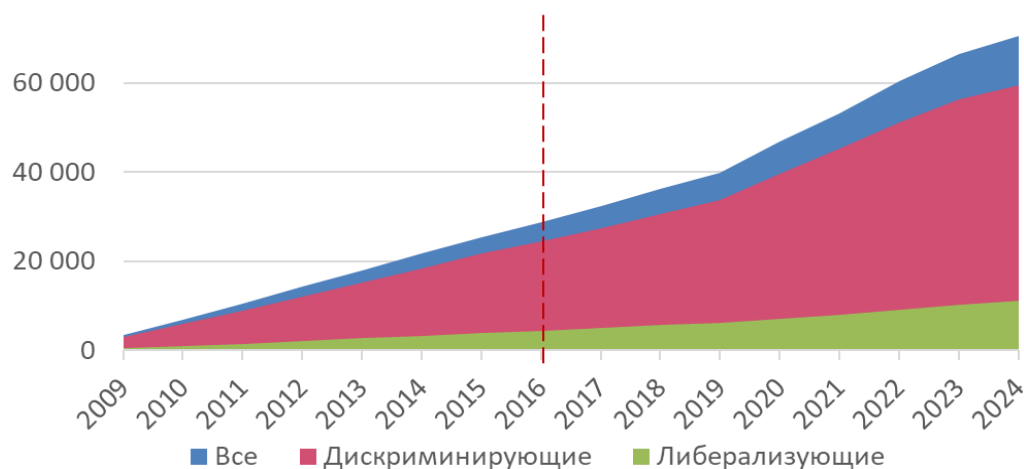
Каждая запись в базе данных GTA содержит информацию о стране-инициаторе, характере интервенции (дискриминирующая / либерализующая) и дате ее объявления, а также об используемом политическом инструменте. Помимо этого, в нее включена информация о затронутых государственным вмешательством индустриях, товарах, услугах, а также, где это имеет место, о влиянии на торговых партнеров. На сегодняшний день с момента начала реализации инициативы GTA было зарегистрировано более 60 000 таких интервенций.

Для проверки соответствия данных описанной выше хронологии развития процессов деглобализации на рисунке 2 приведена динамика изменения числа государственных интервенций с 2009 по 2024 год.

На графике видно, что с момента ГФК вмешательство национальных правительств в торговлю устойчиво росло в глобальном масштабе. С 2016 года их число выросло более чем в два раза, причем ограничительные меры имплементировались в разы чаще либерализующих. На рисунке также прослеживается, что эта тенденция сильно ускорила после начала пандемии. Однако данные не подтверждают изложенный в исследовании NBER политологический нарратив о деглобализации, согласно которому фрагментация мировой экономики должна была бы ускориться уже с 2016 года. Тем не менее, учитывая содержательную достоверность хронологии деглобализации и возможные лаги между началом популяризации протекционистской риторики, ее признанием в национальных законодательных органах и началом реального влияния на торговые и финансовые потоки. Так как эти эффекты могли в первое время не прослеживаться в глобально-агрегированных данных, будучи видимыми лишь на уровне отдельных стран, в нашем исследовании мы оставили 2016 год точкой разграничения между промежуточной стадией, начавшейся в 2009 году, и стадией фрагментации,

² Выражение «наименьший общий знаменатель» (англ. «lowest common denominator») используется в английском языке для описания (обычно в неодобрительной манере) идеи, предложения или мнения, которое намеренно упрощено, чтобы привлечь как можно большее количество людей.

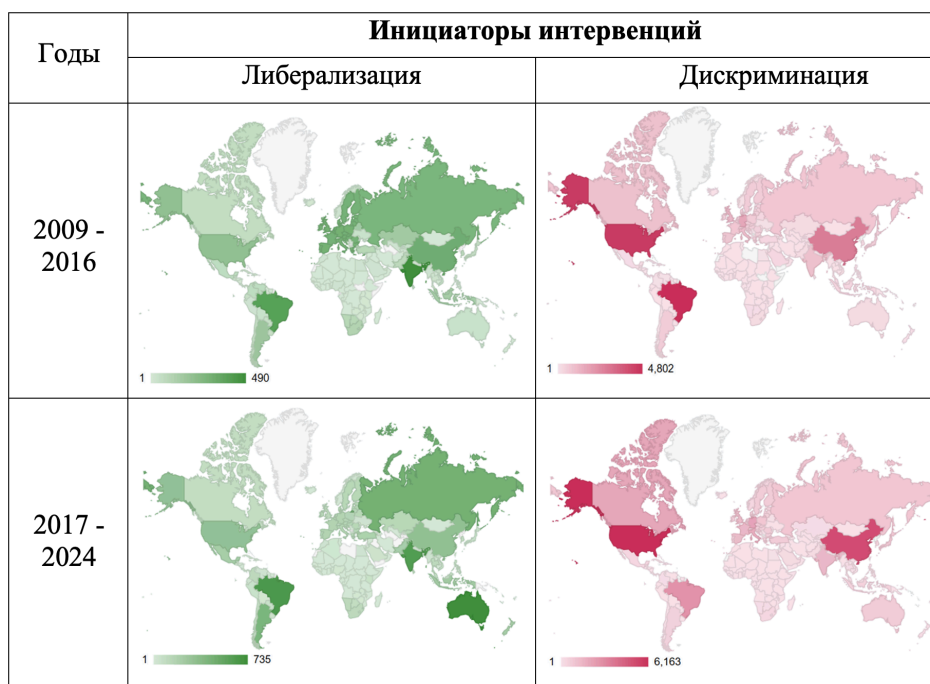
длившейся с 2017 по 2024 год.

Рисунок 2 – Динамика роста числа введенных государственных мер внешнеэкономического регулирования в глобальном масштабе

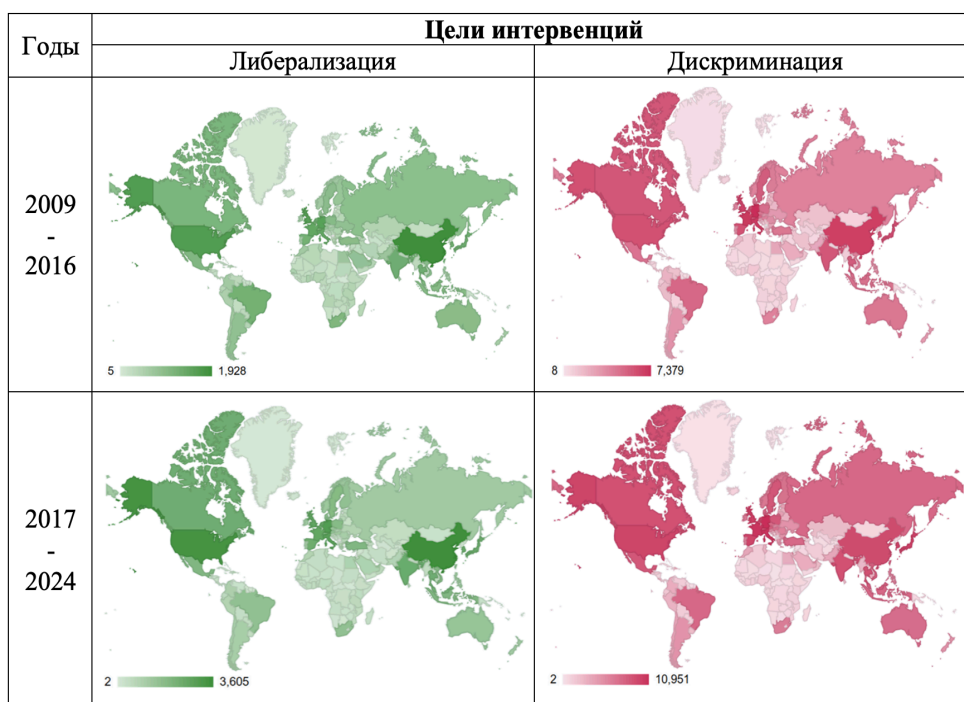
Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

С помощью данных GTA мы также можем оценить изменения в составе стран-инициаторов дискриминирующих и либерализующих мер, а также стран-целей, на которых эти интервенции были направлены. Различия между группами периода 2017–2024 годов от групп 2009–2016 годов мы приводим на рисунке 3, где увеличение насыщенности цвета отражает относительно больший объем инициированных страной мер либерализующего (левая панель) и дискриминационного (правая панель) характера; либо увеличение числа таких интервенций, введенных в отношении страны-цели, как на рисунке 4.

Рисунок 3 – Уровень интенсивности введенных либерализующих и дискриминирующих интервенций в разрезе стран и регионов в 2009 – 2016 гг. и 2017 – 2024 гг. Увеличение насыщенности цвета отражает больший объем инициированных мер либерализующего (левая панель) и дискриминационного (правая панель) характера. Минимальное и максимальное число интервенций указаны в левом нижнем углу каждой карты.

Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

Рисунок 4 – Уровень подверженности либерализующим и дискриминирующим интервенциям в разрезе стран и регионов в 2009 – 2016 гг. и 2017 – 2024 гг. Увеличение насыщенности цвета отражает больший объем перенесенных интервенций либерализующего (левая панель) и дискриминационного (правая панель) характера. Минимальное и максимальное число интервенций указаны в левом нижнем углу каждой карты.

Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

На картах видно, что на отрезке с 2017 по 2024 гг. в разрезе стран-инициаторов снизилась открытость рынков ЕС, Китая и Великобритании. При этом произошел подъем открытой внешнеэкономической политики в Австралии, а в Бразилии значительно уменьшилось число дискриминирующих интервенций. Но в разрезе стран-целей значимых изменений, кроме общего глобального роста дискриминирующих мер и ужесточения внешнеэкономических условий для России, не прослеживается.

По представляемым в такой форме агрегированным данным сложно сделать последовательные и целостные выводы, однако они хорошо иллюстрируют выборки, которые мы будем использовать в дальнейшем. Для того чтобы определить страны, где государственное вмешательство наиболее сильно влияет на среду международных экономических отношений, мы воспользуемся количественными оценками ГА. Сосредоточив внимание на современном этапе развития мировой экономики в 2017–2024 гг., мы попытаемся выявить наиболее выделяющиеся из генеральной совокупности юрисдикции путем анализа распределения данных о введенных и перенесенных ими интервенций дискриминирующего и либерализующего характера.

Результаты исследования

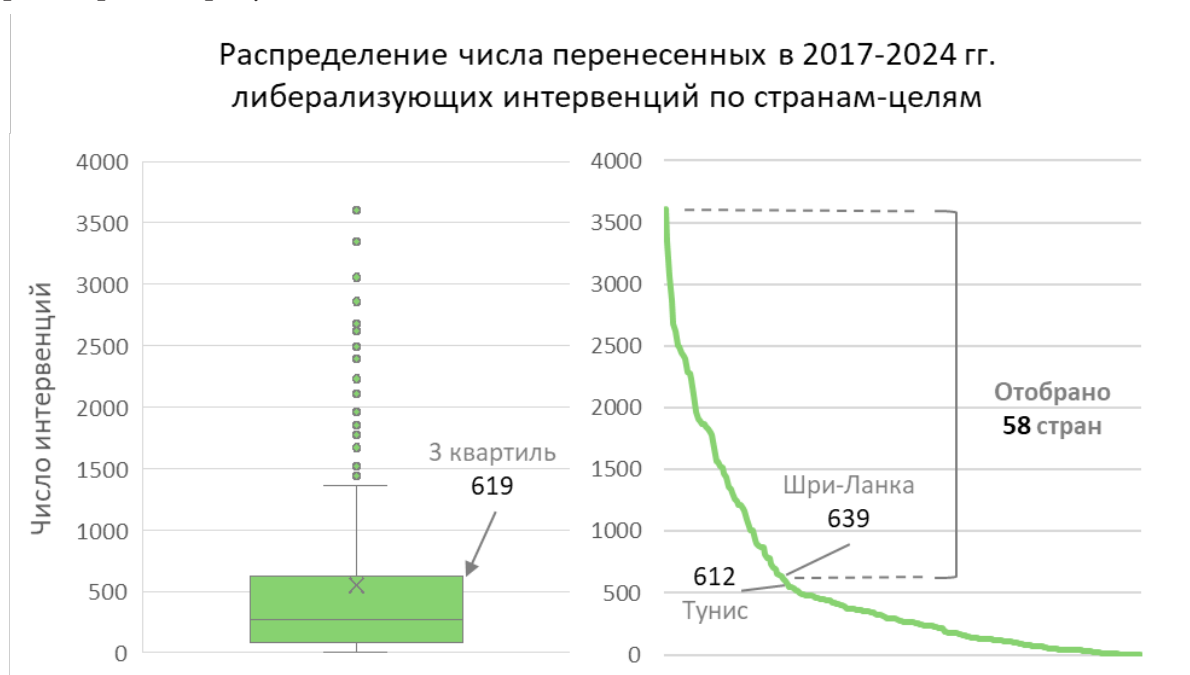
Воспользовавшись выгрузкой данных в табличном формате, мы получим списки для каждой из категорий, где в первой колонке будет указано название страны, а во второй – количество соответствующих категории интервенций. Всего для периода 2017 – 2024 гг. у нас получится четыре выборки:

- страны-цели либерализующих мер (рисунок 5);
- страны-цели дискриминирующих мер (рисунок 6);
- страны-инициаторы либерализующих мер (рисунок 7);
- страны-инициаторы дискриминирующих мер (рисунок 8).

Для отбора наиболее выделяющихся стран в каждой выборке мы воспользуемся диаграммой размаха (слева на рисунках 5 – 8). Так как нас интересуют те юрисдикции, где правительства наиболее активно воздействуют на внешнеэкономические связи или подвергаются воздействию извне, в каждой выборке мы выделим лишь те страны, число интервенций которых лежит выше 3 квартиля выборки – то есть, отберем верхние 25%, включая выбросы и границу квартиля.

Данный метод, как видно по составленным графикам, сохранит достаточное число объектов для дальнейшего сравнения и анализа. Это косвенно подтверждается совпадением в 3 из 4 случаев границы квартиля с точкой изменения наклона³ кривой количества интервенций для каждой страны в выборке (справа на рисунках 5 – 8).

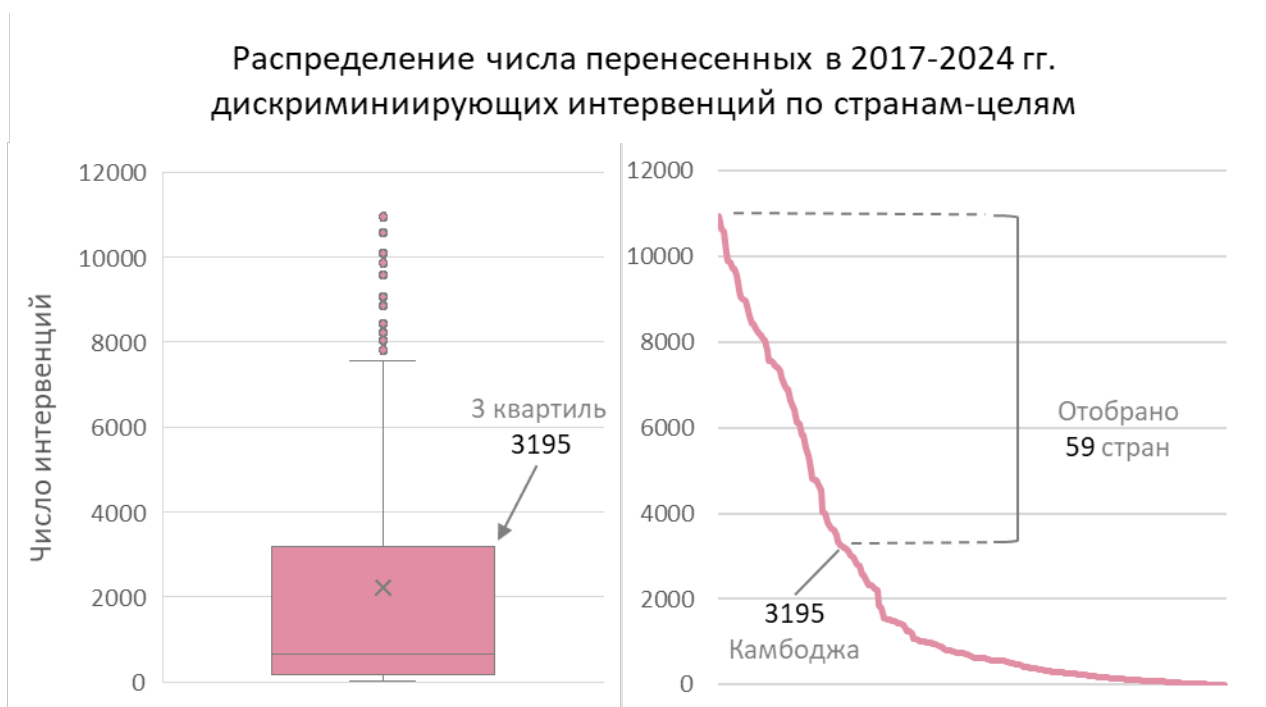
Рисунок 5 – Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран-целей либерализующих мер в 2017 – 2024 гг. (левая панель). Количество отобранных стран-целей либерализующих мер и замыкающая страна в списке (Шри-Ланка) (правая панель).

Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

На примере рисунка 3 мы можем увидеть, что выше 3 квартиля выборки лежат те страны, в отношении которых за период 2017 – 2024 гг. ввели не менее 619 либерализующих интервенций. На правой панели графика вертикальная ось обозначает число интервенций так же, как и на диаграмме размаха слева, а на скрытой горизонтальной оси расположен упорядоченный по убыванию числа перенесенных интервенций список всех стран-целей. Так как нас интересуют страны, в отношении которых ввели не менее 619 интервенций либерализующего характера, мы отберем первые 58 стран выборки, последней из которых станет Шри-Ланка с 639 мерами. Следующий за Шри-Ланкой Тунис с 612 мерами в отобранный список уже не будет включен.

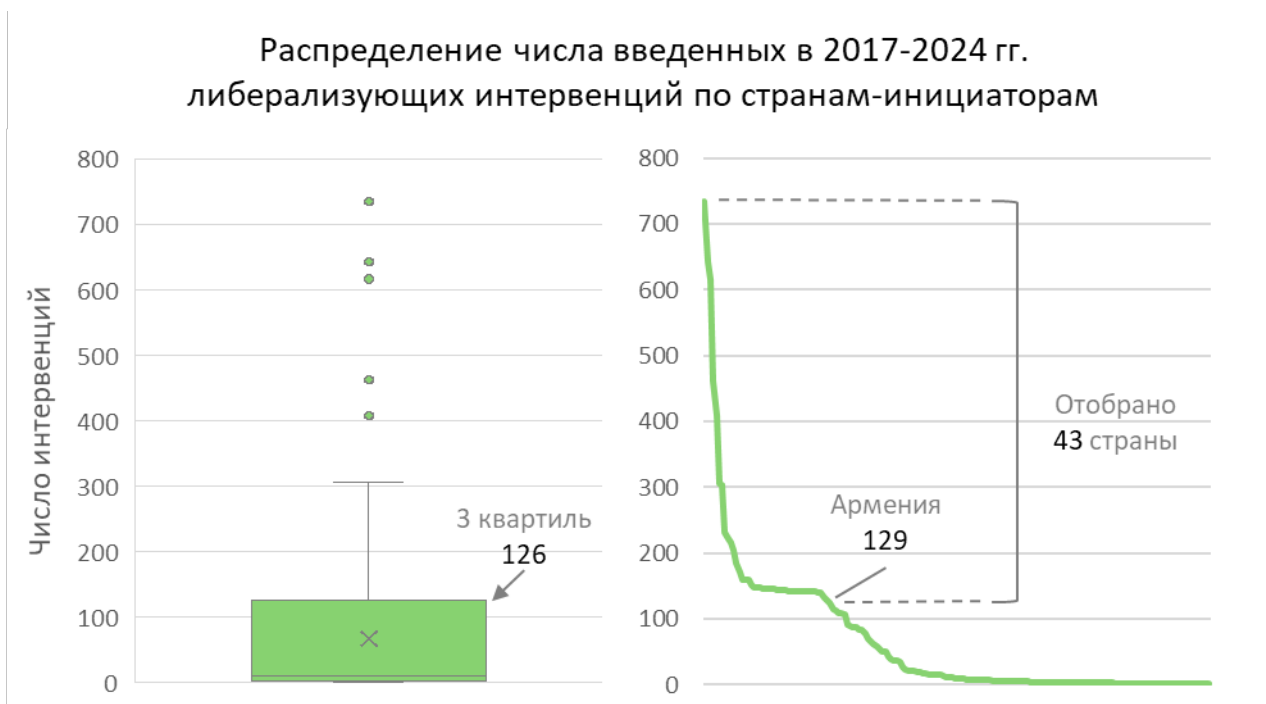
Аналогичную операцию мы проделаем для оставшихся трех категорий, в результате чего мы отберем 59 стран-целей дискриминирующих мер, 43 страны-инициатора либерализующих мер и 44 страны-инициатора дискриминирующих мер (рисунки 6 – 8).

³ Поиск точки изменения наклона кривой для отбора оптимальных значений применяется, в частности, в задачах кластеризации данных, где последовательно сравнивается изменение суммы квадратов расстояний от наблюдений до центроидов кластеров, с целью выявления такого оптимального числа кластеров, после превышения которого сумма квадратов расстояний наблюдений до центроидов замедлит темпы своего уменьшения.

Рисунок 6 – Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран-целей дискриминирующих мер в 2017 – 2024 гг. (левая панель). Количество отобранных стран-целей дискриминирующих мер и замыкающая страна в списке (правая панель).

Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

Рисунок 7 – Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран-инициаторов либерализующих мер в 2017 – 2024 гг. (левая панель). Количество отобранных стран-инициаторов либерализующих мер и замыкающая страна в списке (правая панель).

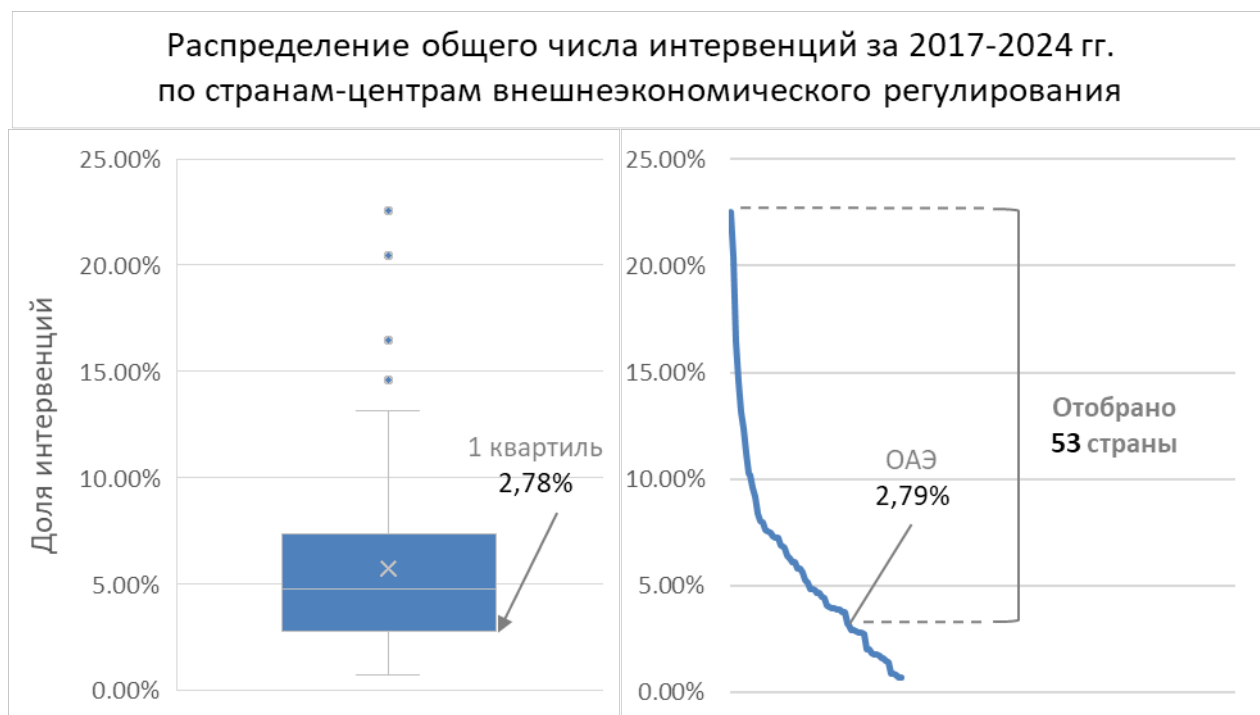
Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

Рисунок 8 – Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран-инициаторов дискриминирующих мер в 2017 – 2024 гг. (левая панель). Количество отобранных стран-инициаторов дискриминирующих мер и замыкающая страна в списке (правая панель).
Источник: составлено автором на основе данных источника [14]

Как видно, отобранных стран-инициаторов в обоих случаях на 15 меньше, чем стран-целей, а нижние границы их квартилей отличаются настолько, что составить из них единый перечень пока что нельзя. К тому же, большое число стран имеют дубликаты в каждом из списков. Для решения этих проблем мы должны перевести числовые переменные во всех четырех списках в процентный формат, где за 100% берется суммарное количество интервенций соответствующего списка. К примеру, среди стран-инициаторов дискриминирующих мер на первом месте стоит США, которые с 2017 по 2024 гг. провели 6163 интервенций или 12% от их суммарного количества в этом списке. Однако среди стран-инициаторов либерализующих мер на США приходится лишь 304 интервенции или 3% от их общего числа в группе.

Приведя все измерения в относительный формат, мы теперь можем составить сводную таблицу, где для каждой страны укажем сумму ее долей среди всех четырех списков. Итоговый набор будет включать 70 стран, правительства которых входят в топ-25% наиболее активных инициаторов и целей внешнеэкономического регулирования. Для финального преобразования мы могли бы повторить алгоритм отбора, применявшийся ранее для обработки четырех выборок. Однако это уменьшило бы итоговый список до 10 развитых и 7 развивающихся стран, влияние большинства из которых в мировой экономике очевидно. В связи с этим, мы применим обратную операцию – отбросим нижние 25% стран, на которые приходятся наименьшие доли интервенций. Тогда, как показано на рисунке 9, мы отберем 53 страны, занимающих наиболее важную роль в регулировании сети внешнеэкономических отношений. Их список мы приводим в таблице 1.

Рисунок 9 – Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран по обоим типам интервенций (либерализующим и дискриминирующим) в 2017 – 2024 гг. (левая панель).

Количество отобранных стран и замыкающая страна в списке (правая панель).

Источник: составлено автором

Таблица 1 – Перечень стран-центров регулирования внешнеэкономических отношений в период 2017 – 2024 гг.

№	Страна	Доля от общего числа интервенций, %	№	Страна	Доля от общего числа интервенций, %
1	США	22,54	28	Португалия	5,80
2	Китай	20,44	29	Ирландия	5,77
3	Бразилия	16,46	30	Румыния	5,60
4	Индия	14,57	31	Словакия	5,28
5	Австралия	13,14	32	Греция	5,11
6	Германия	12,35	33	Словения	4,87
7	Италия	11,24	34	Новая Зеландия	4,84
8	Франция	10,23	35	Болгария	4,81
9	Россия	10,18	36	Литва	4,63
10	Испания	9,61	37	Таиланд	4,63
11	Канада	9,15	38	Пакистан	4,49
12	Нидерланды	8,40	39	Малайзия	4,42
13	Великобритания	8,06	40	Швейцария	4,03
14	Аргентина	7,97	41	Вьетнам	4,00
15	Бельгия	7,63	42	Сингапур	3,96
16	Польша	7,52	43	Тайвань	3,91

№	Страна	Доля от общего числа интервенций, %	№	Страна	Доля от общего числа интервенций, %
17	Индонезия	7,47	44	Южная Африка	3,89
18	Турция	7,33	45	Эстония	3,85
19	Мексика	7,27	46	Норвегия	3,74
20	Швеция	7,23	47	Люксембург	3,73
21	Япония	6,89	48	Израиль	3,22
22	Дания	6,82	49	Гонконг	3,14
23	Австрия	6,78	50	Хорватия	2,91
24	Финляндия	6,43	51	Латвия	2,89
25	Чехия	6,29	52	Филиппины	2,87
26	Южная Корея	6,13	53	ОАЭ	2,79
27	Венгрия	6,10			

Источник: составлено автором

Выводы

Полученный список стран отражает юрисдикции, являющиеся главными инициаторами и целями государственных интервенций в рыночные процессы мировой экономики. Следуя описанным в начале статьи тенденциям деглобализации, мы можем предположить, что для Российской Федерации в условиях текущей геэкономической напряженности требовалось бы обратить больше внимания на внешнеэкономическую политику правительств этих стран, а также отследить их могущество и влияние в иных сферах. Например, в технологиях и инновациях, военной силе, международной политике, значимость их роли в международных организациях и мировой валютно-финансовой системе. Это помогло бы определить приоритеты в процессе нормализации международных связей по мере спада общей геополитической напряженности, или выделить юрисдикции, за которыми сохранялись бы риски введения новых ограничений в случае ухудшения ситуации.

В частности, полученный список может использоваться для акторно-сетевых исследований школы Б. Латура . Так, в следующей работе мы планируем использовать результаты данного исследования для оценки согласованности характера политических предписаний правительств с результатами внешнеторговой деятельности экономических субъектов их стран, а также для кластеризации стран-центров на геэкономические блоки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуцин Е. С. Инициатива Пояса и Пути: текущий статус реализации и ключевые вызовы (доклад) // Всероссийская академия внешней торговли. Институт развития интеграционных процессов. 2020. URL: <https://www.vavt-imef.ru/news/belt-and-road-initiative-current-implementation-status-and-key-challenges/> (дата обращения 07.12.2024)
2. Кравченко Ю. Б. Новые вызовы современной системе международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. (6). С. 25–37. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-6-25-37
3. Институты обеспечения устойчивого развития Российской экономики : монография / под ред. М. А. Эскиндарова, С. Н. Сильвестрова. – Москва : Дашков и К, 2022. – 466 с. – ISBN 978-5-394-05222-4
4. Мальцев А. А. Глобальные мета-риски в постковидную эру // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 124–137
5. Перская В. В. [и др.]. Акторы и субъекты международных экономических отношений на современном этапе развития мирового сообщества. Часть 2. Трансформационные процессы в системе международных экономических отношений: современность и будущее / Перская В. В., Ткаченко А. А., Кузнецов А. В., Ревенко Н. С., Платонова И. Н., [и др.], под ред. Пищик В. Я., Солдатенкова О. И., Москва: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2023.
6. Сотрудничество России с глобальными и региональными институтами в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры : монография / П. В. Алексеев, Ф. И. Аржаев, П. Д. Белитченко [и др.] ; под редакцией В. Я. Пищика, Г. А. Бунич. — Москва : Прометей, 2023. — 248 с. — ISBN 978-5-00172-534-3
7. Торкановский Е. П. Автаркия, деглобализация и личностная автономность: поиск самоопределения // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 323-344. – DOI 10.18334/eo.12.3.116348. – EDN RQGSRO.
8. Ashford E., Cooper E. Assumption Testing: Multipolarity is more dangerous than bipolarity for the United States. Stimson Center. Security & Strategy. 2023. URL: <https://www.stimson.org/2023/assumption-testing-multipolarity-is-more-dangerous-than-bipolarity-for-the-united-states/> (дата обращения 21.07.2024)
9. Ashford E., Cooper E. Yes, the World Is Multipolar // Foreign Policy. 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/10/05/usa-china-multipolar-bipolar-unipolar/> (дата обращения 21.07.2024)
10. Blenkinsop P. EU slaps tariffs on Chinese EVs, risking Beijing backlash // Reuters. 2024. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/eu-slaps-tariffs-chinese-evs-risking-beijing-payback-2024-10-29/> (дата обращения 14.11.2024)
11. Catalán M. et al. Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macro-Financial Stability // International Monetary Fund. Global Financial Stability Report. 2023. 81–101 Pp.
12. Cerdeiro D. A. et al. Sizing Up the Effects of Technological Decoupling // International Monetary Fund. Working Papers. 2021. № 69 (21)
13. Chase-Dunn C., Álvarez A., Liao Y. Waves of Structural Deglobalization: A World-Systems Perspective // Social Sciences. 2023. № 5 (12). DOI: 10.3390/socsci12050301
14. Global Trade Alert // Independent monitoring of policies that affect world commerce. URL: <https://www.globaltradealert.org/> (дата обращения 12.11.2024)
15. Goldberg P., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? // National Bureau of Economic Research. 2023. No. w31115. DOI: 10.3386/w31115. URL: <http://www.nber.org/papers/w31115> (дата обращения 21.08.2024)
16. Gopinath G. et al. Changing Global Linkages: A New Cold War? // International Monetary Fund: Working paper. 2024. No. 24/76
17. Javorcik B. S. et al. Economic Costs of Friend-Shoring // European Bank for Reconstruction and Development: Working Papers. 2022. No. 274

18. Kacziba P. The network analysis of international relations: Overview of an emergent methodology // *Journal of International Studies*. 2021. № 3 (14). 155–171 Pp. DOI: 10.14254/2071-8330.2021/14-3/10. URL: https://www.jois.eu/?714,en_the-network-analysis-of-international-relations-overview-of-an-emergent-methodology (дата обращения 18.12.2024)
19. Leonard M. China Is Ready for a World Disorder // *Foreign Affairs*. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-ready-world-disorder> (дата обращения: 17.05.2024).
20. Liboreiro J. Your essential guide to the EU probe into Chinese electric cars // *Euronews*. 2024. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2024/06/05/your-essential-guide-to-the-eu-probe-into-chinese-electric-cars> (дата обращения 14.11.2024)
21. Ragonnaud G. The EU chips act: Securing Europe's supply of semiconductors // *European Parliamentary Research Service*. 2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733596/EPRS_BRI\(2022\)733596_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733596/EPRS_BRI(2022)733596_EN.pdf) (дата обращения 15.08.2024).
22. Rodrik D. A primer on trade and inequality // *Institute for Fiscal Studies*. 2021. URL: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/publications/primer-trade-and-inequality> (дата обращения 24.09.2024).
23. Shekhar A. et al. *Geo-Economic Fragmentation and the Future of Multilateralism* // *International Monetary Fund: Staff Discussion Notes*. 2023. ISBN 9798400229046.
24. Strahan M., Moehr O., Tannebaum D. et al. *Navigating Global Financial System Fragmentation* // *World Economic Forum*. Davos, 2025.
25. Ujwary-Gil A., Lo Re M., Parente F. The actor-network model of economic networks in a geo-economic context: the conceptual considerations. *Forum Scientiae Oeconomia*. 2022. No 1, Tome 10. 9–28 Pp. URL: <https://ojs.wsb.edu.pl/index.php/fso/article/view/483> (дата обращения 24.07.2023).

Centers of foreign economic relations regulation during the deglobalization period

Belitchenko Pavel Denisovich

Postgraduate Student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: pavelbworkmail@gmail.com

KEYWORDS.

foreign economic interventions, international economic relations, government interference, world economy, fragmentation, multipolarity

ABSTRACT.

The modern global economy is characterized by an increasing complexity of network connections between its actors under the influence of various exogenous factors. One of them is the steady growth in the number of recorded cases of government interference in international market relations, which leads to a reduction in the regulatory role of multilateral institutions and the fragmentation of the global economy. This study aims to identify the list of countries that have emerged as new centers for regulating foreign economic relations under these circumstances. To create the initial data set, Global Trade Alert materials were used from 2017 to 2024. These materials contained chronologically ordered information about foreign economic interventions by national governments around the world during that time period. Based on this information, four samples were created, each showing the number of discriminatory and liberalizing measures introduced or endured by each country. By analyzing their's distribution, visualization, and chronological comparison with factors that caused an increase in geo-economic influence of states over the last 15 years, the study identified samples of countries that are the main initiators and targets of discriminatory and liberalizing measures of foreign economic regulation. Based on them, a final list of 53 national governments, whose actions had the most significant impact on the current state of international economic relations, has been formed. The obtained results can be used to establish priorities for international cooperation in an emerging multipolar world, assess the risks of introducing new unilateral external restrictions, and study the impact of network effects on the development of the global economy.
